

КИР
БУЛЫЧЁВ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

ВЕЛИКИЙ ГУСЛЯР

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Б90

Серия «Звёзды советской фантастики»
Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Б90 **Булычёв, Кир**
Последняя война. Великий Гусяр. Подземелье ведьм. / Кир Булычёв.— Москва: Издательство АСТ, 2017.— 632, [1] с. — (Звёзды советской фантастики).

ISBN 978-5-17-100710-2

«Последняя война» – первая история доктора Павлыша, где он, в составе экипажа корабля «Сегежа», оказывается на планете, недавно пережившей ядерную войну.

«Великий Гусяр» – повести и рассказы о жителях тихого провинциального русского городка, которым постоянно приходится иметь дело то с инопланетянами, то с последствиями научных открытий и изобретений, то просто со сказочными и мифическими существами.

«Подземелье ведьм» – приключения агента Космофлота Андрея Брюса, попавшего на планету, где неведомая высококоразвитая цивилизация запустила ускоренную эволюцию.

Самые яркие произведения из наиболее известных циклов Кира Булычёва.

© Кир Булычёв, наследники, текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

КИР БУЛЫЧЁВ

Настоящее имя Кира Булычёва — Игорь Всеволодович Можейко. Он родился 18 октября 1934 года в Москве. После окончания школы поступил в Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Окончив его в 1957 году, два года работал в Бирме переводчиком и корреспондентом Агентства печати «Новости», а вернувшись в Москву в 1959 году, поступил в аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР. После ее окончания в 1962 году, с 1963-го, работал в Институте востоковедения, специализируясь на истории Бирмы. В научном сообществе Игорь Всеволодович Можейко известен своими трудами по истории Юго-Восточной Азии.

Свой первый рассказ «Маунг Джо будет жить» он опубликовал в 1961 году, а с 1965 года начал писать фантастику, которую издавал в основном под псевдонимами. До 1982 года свое настоящее имя писатель держал в тайне из-за опасения проблем на работе: полагал, что руководство Института востоковедения сочтет фантастику несерьезным занятием. У него было несколько псевдонимов, самый известный из которых, Кир Булычёв, — это сочетание имени жены и девичьей фамилии матери.

КИР БУЛЫЧЁВ

В 2005—2007 годах вышло 18 томов полного собрания сочинений писателя. В большинстве своем они составляют циклы, в каждом из которых описаны истории одних и тех же героев. Самый известный из них — «Приключения Алисы» (более пятидесяти произведений). Главная героиня Алиса Селезнёва (названная в честь дочери писателя) живет в будущем, путешествует в космосе и во времени. По словам Кира Булычёва, этим циклом он пытался «...найти пути к детской литературе, которая была бы адекватна поколениям детей, возвращенных телевизором, а потом и компьютером». Алиса до сих пор является одним из самых популярных детских персонажей в России. На основе книг о ее приключениях снято несколько художественных и мультипликационных фильмов, самые известные из которых «Тайна третьей планеты» и «Гостья из будущего».

Другой известный цикл — «Великий Гусяр». Около семидесяти повестей и рассказов, действие которых происходит в тихом провинциальном городке, чьи жители, часто заурядные обыватели, постоянно сталкиваются с необычными явлениями: прилетами инопланетян, невероятными научными открытиями и изобретениями, природными аномалиями, сказочными и мифическими существами. Как правило, они совершенно спокойно воспринимают сваливающиеся на их городок фантастические напасти и даже извлекают из них житейскую выгоду. Истории гусярцев — не только фантастика, но и сатира на современную жизнь.

Цикл «Доктор Павлыш» — традиционная советская фантастика. Прототипом главного героя стал Владислав Павлыш, врач судна «Сегежа», на котором Кир Булычёв совершил путешествие по Северному Ледовитому океану. В цикл входят девять произведений. Они, связанные лишь общим героем, но не сюжетом, повествуют о космических приключениях. Самое известное из них — роман «Поселок», о том, как после катастрофы люди вынуждены выживать на малопригодной для обитания планете.

Другой герой, агент Космофлота Андрей Брюс, появляется в двух произведениях. В «Агенте КФ» с ним происходят приключения на планете Пэ-У (в ней узнается Бирма, страна, которую Кир Булычёв знал очень хорошо), а в «Подземелье

КИР БУЛЫЧЁВ

ведьм» Брюс вместе со своими товарищами сталкивается с ускоренной эволюцией, запущенной неизвестной высшей цивилизацией.

Еще один цикл посвящен агенту ИнтерГалактической полиции Коре Орват. Действие в произведениях происходит примерно в то же время, что и «Приключения Алисы». Сам Булычёв называл эту героиню «повзрослевшим вариантом Алисы», но характеры героинь заметно отличаются, тем более что в одном из произведений они пересекаются.

В цикле «Театр Теней», состоящем из нескольких повестей и рассказов, действие происходит в параллельном мире, в который можно попасть при определенных обстоятельствах. Его исследованием занимаются герои, появляющиеся и в цикле «Институт экспертизы».

Цикл «Хронос» остался незаконченным. Кир Булычёв работал над ним с 1992 года и до конца своей жизни. По его словам, создание цикла было для него делом «если не всей жизни, то последнего десятилетия точно». Шесть романов и четыре повести, вошедшие в этот цикл, написаны в жанре альтернативной истории и посвящены возможным путям развития России.

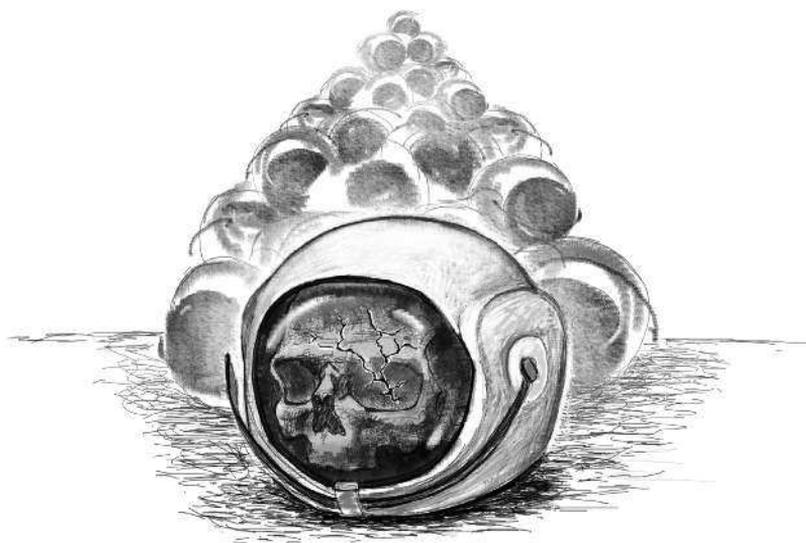
Кроме того, у Кира Булычёва выходили цикл «Верёвкин», названный по городу, в котором происходят события, диалогия о вымышленной стране Лигон (чьим прототипом опять стала Бирма), а также несколько внецикловых романов, повестей и рассказов.

Кир Булычёв оказался самым востребованным писателем-фантастом у советских и российских кинематографистов. По его произведениям и оригинальным сценариям снято более двадцати фильмов и телесериалов, самые известные из которых мультфильмы «Тайна третьей планеты», «Перевал» и «День рождения Алисы», телесериал «Гостья из будущего», полнометражные фильмы «Через тернии к звездам», «Шанс», «Подземелье ведьм», «Слезы капали», «Лиловый шар».

На протяжении почти сорока лет Кир Булычёв создавал свои фантастически удивительные миры, по которым путешествует уже четвертое поколение читателей. Он ушел из жизни 5 сентября 2003 года.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

С ОПОЗДАНИЕМ НА ГОД

1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К¹ «СЕГЕЖА», ПОРТ ПРИПИСКИ — ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089²

Капитан корабля — Загребин Геннадий Сергеевич.
Старший штурман (старпом) — Баков Алексей Иванович.
Старший механик — Лещук Александр Александрович.
Второй штурман — Бауэр Глеб Андреевич.
Второй механик — Антипин Иван Филиппович.
Третий штурман — Кудараускас Зенонас.
Третий механик — Ткаченко Кира Сергеевна.
Врач — Павлыш Владислав Владимирович.
Радист — Цыганков Юрий Петрович³.
Повар — Ионесян Эмилия Кареновна.
Практиканты — Райков Христо, Панова Снежина⁴.
Пассажиры — корона Аро, корона Вас.

2

¹ К/к — космический корабль.

² Г/п 304089 — галактические позывные к/к «Сегежа».

³ Более известен под прозвищем Малыш.

⁴ Стажеры Софийского института космических исследований.

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ ВАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ 31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Мальш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Мальш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера — Снежина и Христо — заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, — подумал Мальш. — Радиограмма персональная, срочная».

Мальш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Мальшом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерялось на сгибах — кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета...

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Мальша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбро-

силь его, не распечатывая. Малыш включил авторадиста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной — и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, прилепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгробал им, как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

— Послушай, Слава, — сказал Малыш. — На Титан не идем.

— Что случилось? — спросил доктор.

— Срочная с Земли, — сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

— Стой. — Слава преградил путь рулоном бумаги. — Не веди себя как женщина.

— А как? — спросил Малыш.

— Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

— Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на randevу с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

— Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, — подумал Малыш, оставшись в одиночестве. — Почему это не я скажу Снежине?»

— Как дети малые, — пробурчал он сам себе, открывая дверь в рубку. — Скажу, не скажу...

— Ты кому? — спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

— Себе.

— Что за депеша?

— Мастеру,— ответил Малыш строго.

— А почему не вовремя? — спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. — Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это было с намерением — Христо невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

— Геннадий Сергеевич,— сказал Малыш,— Вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

— Что там? — шепнул Христо, толкнув Малыша локтем. Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

— Старшего помощника прошу подняться на мостик,— сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым — обманчиво добрым — голосом:

— Команда уже оповещена?

— Я сюда прямо из рубки,— ответил Малыш.— Разве не понимаю?

— Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

— Учись,— сказал капитан Малышу.— Алексей Иванович, прочтите,— продолжал он.

Мальш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Мальш задрал голову и сказал тихо:

— На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

— Шутишь, дуся,— сказал Глеб.

— Глебушка,— позвал капитан.— Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

3

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенонас Кудараускас — поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглашенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирает голубые чашки.

— В первом же порту расчет,— говорила она, глядя в белую стену буфетной.— В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежина заглянула в буфетную, хотела выпить, увидела, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

— Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

— Никто,— сказала тетя Миля.— Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

— Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

— Я их ждала,— начала она.— Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине... В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела — каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

— А вы их разве на Земле не видали? — удивилась Снежина.

— Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела — каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет...

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола — даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

— Ты иди,— произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз.— Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

— Это очень крупные ученые,— сказала она.

— Я знаю,— согласилась тетя Миля.— Во мне животный атавизм пробудился.

— Вы к ним обязательно привыкнете, — утешила ее Снежина. — Можно еще один пирожок?

— Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

— Извините, — сказал он. — Снежина за схемой пошла, а я жду. Извините. — У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. — Извините, — повторил он еще раз.

— Мы пошли. — Снежина отломала практиканту половинку пирожка. — Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

Вдва тридцать громыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, — подумала она. — И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

— Идешь обедать, Снежка? — спросила она.

— Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

— Так,— сказала Кирочка.— А я одна боюсь в кают-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая...» Ну, знаешь, как он всегда гостям говорит.

— Чепуха,— сказала Снежина, закалывая волосы на затылке.— Он тебя очень уважает.

— Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

— Тетя Миля кончила расстраиваться?

— А что?

— Испугалась корон.

— По-моему, ничего особенного.

— Ну, а как теперь? — Снежина обернулась к Кирочке.

— Я же говорю: ты как ни причешешься...

— А мне они сначала тоже страшными показались,— призналась Снежина.— Мир полон неожиданностей.

— Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

— Жуткое зрелище,— сказал он.— Все правильно. Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

— С вашего разрешения,— кивнул Павлыш старшему штурману.

— Пожалуйста,— ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плавания вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компания.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кударау-сасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

— А где тетя Миля? — спросил Малыш.